

*В. П. НЕВСКАЯ, Византий в классическую и эллинистическую эпохи**, М., Изд-во АН СССР, 1953, 157 стр., тираж 8000 экз., цена 7 руб. 50 к.

История Византия, крупнейшего центра понтийской торговли, несомненно, заслуживает большого внимания. Через Византий, расположенный на европейском берегу Боспорского пролива, осуществлялись основные связи причерноморских племен и государств с материковой Грецией, островами Эгейского моря, побережьем Малой Азии, Египтом. Рецензируемая монография — первый труд по истории Византия во всей нашей отечественной историографии. «Задачей данной работы, — пишет автор, — является попытка воссоздания по источникам истории Византия в классический и эллинистический периоды, до начала римской экспансии на Востоке» (стр. 4).

Работа имеет ряд несомненных достоинств. Автор методологически правильно подходит в своей работе к вопросу о сущности античного города, товарном производстве, классовой борьбе и т. д. В то время как в работах буржуазных авторов, интересующихся историей Византия, излагается преимущественно политическая история города и лишь вскользь сообщаются сведения по социально-экономическим отношениям (главным образом о торговле, примером чему может служить монография Мерле¹), В. П. Невская исследует не только политические, но и

* «Причерноморье в Античную эпоху», вып. 4, под редакцией проф. В. Н. Дьякова.

¹ Н. М е r l e, Die Geschichte der Städte Byzantion und Kalchedon von ihrer Gründung bis zum Eingreifen der Römer in Verhältnisse des Ostens, Kiel, 1916.

социально-экономические отношения в Византии. В этом плане вторая глава монографии, излагающая социально-экономический и политический строй города в классическую эпоху, является самой интересной. Если буржуазные исследователи, излагая историю Византия в IV—III вв. до н. э., подчеркивают главным образом роль торговли в истории Византия и совершенно игнорируют земледелие, то автор справедливо усматривает, что в основе экономики города лежало типичное для античного полиса сочетание городской жизни с земледелием (стр. 153). Поэтому особенного внимания заслуживают сведения, сообщаемые В. П. Невской о земельных отношениях, земледелии, ремеслах и промыслах в классическую эпоху, а также о расширении торговых связей Византия и превращении города в крупнейший торговый центр греческого мира в эллинистический период.

Достоинством книги является и стремление проследить историю Византия не только в его отношениях с греческим миром, но и с окружавшими город местными фракийскими и пришлыми племенами (стр. 26—29, 36, 95—97, 111 сл., 129, 133).

Помимо сведений, сообщаемых древними историками, В. П. Невская в значительной мере использует эпиграфический и нумизматический материал. Это тем более ценно, что, например, Мерле использовал в основном только литературные источники. Отчасти узостью круга источников и объясняется тот факт, что социально-экономическая история Византия до сих пор не исследовалась в буржуазной историографии, если не считать относительно изученного вопроса о торговле этого полиса. Ценны и интересны составленные В. П. Невской таблицы (в дополнение к данным Меритта), в которых восстановлены размеры фороса, вносимого в афинскую казну понтийскими городами, в том числе и Византием.

Однако, хотя книга в целом производит хорошее впечатление, в ней имеется ряд недостатков и упущений. Серьезное сомнение вызывает содержание введения книги. В нем автор не выделил проблематику своей работы и ограничился почти исключительно перечнем использованных источников. Из девяти страниц введения шесть посвящены этому кругу вопросов. Некоторое сомнение вызывает соотношение отдельных частей монографии. 121 страница посвящена истории Византия в классическую эпоху и только 36 страниц отведено эллинизму. Вследствие того, что история Византия в эллинистическую эпоху дана сжато и конспективно, создается впечатление, что автор не доработал эту часть монографии.

В. П. Невская в общем правильно трактует вопрос об эксплуататорском, враждебном характере взаимоотношений Византия с местным населением. Однако иногда эти враждебные отношения уступали место союзам ради совместной борьбы с общим врагом. Так, например, на стр. 87 автор сообщает о том, что в 416 г. Византий совместно с фракийцами выступил на помощь Калхедону. Эта вторая линия взаимоотношений Византия с фракийцами, к сожалению, почти совсем не прослеживается в монографии. Недооценка этого вопроса сказалась также и на том, что В. П. Невская не попыталась проследить, существовала ли в самом городе определенная группа негреческого населения. Это тем более досадно, что в последнее время в исследованиях советских историков о греческих городах Причерноморья уделяется большое внимание взаимоотношениям местного и греческого населения¹.

Недостаточно аргументировано автором утверждение об отсутствии «экономического и политического кризиса в Византии в IV веке» (стр. 93). Не подлежит сомнению наличие политического кризиса полисной системы в Греции IV в. до н. э., но вопрос о кризисе экономики полиса для этого времени может быть решен только путем конкретного исследования истории каждого полиса в отдельности. Аргументация в шесть строк о причинах отсутствия экономического кризиса в Византии, заключающихся, по мнению В. П. Невской, в использовании «в более широких масштабах

¹ См., например, Т. В. Блаватская, Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э., М., 1952, и А. Я. Абрамович, Синопа в классическое и эллинистическое время (автореферат), М., 1950.

труда фракийских общинников» неубедительна (там же). Это важное утверждение нуждается в развернутой аргументации, которую автор не приводит.

В. П. Невская правильно отмечает, что для IV в. до н. э. было характерно «стремление к созданию значительных объединений» (стр. 111); в работе приводятся интересные данные, свидетельствующие об активном поведении Византия в этом направлении. Однако объединительные тенденции были характерны и для V в. (Первый Афинский союз) и даже для предшествующих столетий (Пелопоннесский союз). Недостаточно было указать на наличие объединительных тенденций в IV в. до н. э., автору необходимо было показать отличие объединительных тенденций в IV в. от аналогичных стремлений предшествующего и последующего времени.

Характеристика политического строя Византия не вызывает никаких сомнений (45—48). Желательно было, чтобы автор, излагая эволюцию государственного устройства, указал на наличие тирании не только в Мегарах (метрополис Византия), но и в самом Византии (тиран Аристон).

Некоторое сомнение вызывает характеристика борьбы аристократии и демократии в Византии V в. Говоря о торжестве демократии в середине V в., автор отмечает (стр. 71): «Знать, терявшая господствующее положение в экономической жизни, перестала играть ведущую роль и в политической жизни города». Не возражая против правильной формулировки автора, мы все же считаем, что следовало указать на ожесточенную борьбу аристократии и демократии и после установления демократического строя. Ведь на протяжении V в. аристократическим элементом Византия несколько раз удавалось, как отмечает сам автор, захватывать власть в городе. Поэтому вряд ли возможно рассматривать V в. как период безраздельного господства демократии в Византии.

Большой заслугой В. П. Невской является стремление разобраться в социальном составе населения Византия. Это крайне трудно было сделать из-за скудости источников. Автору удалось тем не менее воссоздать картину социальных отношений в Византии. Эти сведения представляют несомненный интерес и заслуживают всяческого внимания. Хотелось бы только, чтобы автор уточнил некоторые моменты. Так, например, В. П. Невская говорит о «зависимых земледельцах» (стр. 52), «зависимых крестьянах» (стр. 53), «полузависимых земледельцах» (стр. 95), наконец, «мелких и средних земледельцах» (стр. 110). Очевидно, первые три термина автор относит к покоренному фракийскому населению, но в таком случае неясно, почему автор называет фракийцев то зависимыми, то полузависимыми земледельцами. Если автор предполагает, что покоренное фракийское население находилось в различных видах зависимости, то ему следовало указать, в чем конкретно состояло различие между «зависимыми» и «полузависимыми» группами фракийского населения. Что же касается последней группы, то необходимо было выяснить, в каком отношении эта группа населения находилась к первым трем категориям. Ведь гражданина Византия, имевшего хотя бы и небольшой участок земли, обрабатываемой зависимыми фракийцами (типа илотов), вряд ли можно назвать просто земледельцем. Он будет являться землевладельцем (мелким, средним или крупным). Автор недостаточно остановился на существенных изменениях в социальной структуре Византия в период эллинизма.

Анализируя взгляды буржуазных историков, В. П. Невская критикует в основном только концепцию Хазебрека. На наш взгляд, необходимо было дать критический анализ и положениям Цибарта (на которого автор неоднократно ссылается и с позиций которого критикует Хазебрека), а также Андреадиса.

Автор выдвигает важное положение о том, что в IV в. до н. э. Византий превратился в «крупный центр работорговли» (стр. 109, 126); в доказательство этого В. П. Невская приводит два аргумента: указание Полибия на вывоз рабов из Понта и сообщение Ксенофонта о том, что в 400 г. спартанский гармост продал в рабство греческих наемников, захваченных в Византии. Оба эти довода вызывают сомнение: во-первых, неизвестно, продавались ли вывозимые с Понта рабы в Византии или в других местах; во-вторых, Ксенофонт не указывает, что греческие наемники были проданы именно в Византии.

Из мелких недочетов работы следует отметить следующие. Нескольким произвольным представляется распределение материала по главам и параграфам. Если I глава в 29 страниц разбита на четыре параграфа, то III и IV главы (63 страницы) не имеют никаких подразделений, что затрудняет чтение книги. Целесообразно было главу «Византизм в IV веке» разделить на две: «Византизм и Второй Афинский союз», когда город находился еще в некоторой зависимости от Афин, и «Независимый Византизм», когда в результате союзнической войны в 355 г. город получил полную самостоятельность и независимость. Неясным остается вопрос, когда и по каким причинам Византизм нарушил свой нейтралитет и вступил в борьбу с Селевкидами. В некоторых случаях автор, излагая спорные вопросы, приводит мнения предшествующих исследователей и не высказывает своей точки зрения. Так, например, приводятся противоречивые гипотезы буржуазных авторов о времени пребывания Павсания в Византии (стр. 66 сл.). Собственного мнения по этому вопросу автор не высказывает. Сообщая противоположные мнения Меритта и Нессельгауфа о результатах самосского восстания для Афин (стр. 83 сл.), В. П. Невская не приводит никаких своих соображений. Следует также отметить, что приведение высказывания Ф. Энгельса (стр. 155), характеризующего период разложения родового строя и возникновения классов и государства, вряд ли уместно в качестве заключительного вывода к монографии, посвященной изучению классической древности.

Автор обычно точен в своих ссылках, и справочный аппарат оформлен хорошо. Можно отметить лишь неточно приведенную цитату из Свиды о Леоне. В. П. Невская называет Леона философом и учеником Аристотеля, в то время как в тексте подлинника сказано, что он был философом-периплатетиком и софистом, учеником Платона и Аристотеля.

Несколько небрежно составлен список опечаток, допущенных в книге. Так, например, указывается, что на стр. 126 напечатано «рыба», вместо «рабы». Однако никакой «рыбы» на стр. 126 нет. В греческом тексте на стр. 39 допущена ошибка, но в списке опечаток она не только не устранена, но еще более усугублена. Отмеченные недочеты никоим образом не снижают ценности интересной монографии В. П. Невской. Автор, несмотря на скудость источников, сумел написать хорошую книгу.

Н. И. Голубцова